

Ректор ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»

ОТЗЫВ

Актуальность избранной темы. Юго-Западное Забайкалье в панораме палеолитоведения Восточной Сибири является интереснейшим, важным регионом, развитым исследованиями нескольких научных поколений и занимающим одно из первых мест по степени изученности и тематической разработанности. В общем смысле научных знаний этот регион представляется и как один из центров формирования поздневерхнепалеолитической культуры Северо-Восточной Азии, и как важное звено в трансляции культурных традиций, связующее Прибайкалье, Северную Монголию, Приамурье и Приморье, Якутию и Северо-Восточный Китай. Исследуемая в диссертации стоянка Усть-Менза-2 входит в Усть-Мензинский археологический ансамбль и является богатейшим палеолитическим объектом в масштабах всей Восточной Сибири. Исследование ее, начатое и возглавляемое Михаилом Васильевичем и Александром Васильевичем Константиновыми, привело памятник к мировой

известности. Не одно поколение лучших представителей читинской археологической школы, в частности, М.Н. Мещерин, И.И. Разгильдеева, О.В. Кузнецов, П.В. Мороз, сформировалось в процессе исследований этого знаменитого ансамбля и стоянки Усть-Менза-2. Накопленный колоссальный научный багаж стал фундаментом для выработки представлений о культуре позднего этапа верхнего палеолита Забайкалья. Уникальной особенностью опорных объектов, среди которых Усть-Менза-2, является многослойный характер залегания культурных горизонтов в аллювиальных отложениях в ситуациях быстреешего погребения, сохранивших многочисленные остатки жилищных комплексов. Ввод в научный оборот и осмысление этих богатейших материалов является трудной задачей, осуществляемой в том числе и усилиями соискателя, автора представляемой диссертации. В этом заключается и новизна работы. Памятники Усть-Менза-1-3, Студеное-1,2 давно стали эталонами сибирской археологии позднего палеолита. В этом смысле детальное описание стоянки Усть-Менза-2 является насущной, востребованной задачей, и актуальность ее выражается в наиболее полной презентации материалов и современном осмыслении их роли в развитии палеолитоведения Северо-Восточной Азии. Верхние культурные горизонты Усть-Мензы-2 имеют самостоятельную научную значимость в рамках тематики археологии бронзового века таежной полосы Восточной Сибири.

Во введении в четкой и ясной форме изложена традиционная преамбула к диссертационному исследованию, включающая все требуемые пункты, в том числе цели, задачи и защищаемые положения.

Первая глава, названная «Усть-Менза-2 как уникальный объект культурного наследия и опорный археологический памятник», содержит разделы «История исследований», «Региональная историография», «Стратегия исследований», «Геоморфология, геология и геохронология» и в таком виде, по нашему мнению, является перегруженной. Следовало бы историографию, историю исследований и геологическую характеристику объекта развести по разным главам. История исследований написана довольно

поверхностно, без изложения тех научных перспектив, которые шаг за шагом открывались в ходе изучения палеолита Забайкалья с фокусировкой на Усть-Мензе-2. Помещенный в этом разделе список объектов Усть-Мензинского археологического комплекса, а также Чикойских и Мензинских памятников (с. 16 – 26) имеет простой справочный вид и не содержит сведений об истории их открытия, но в целом, конечно, выполняет задачу представления Усть-Мензы-2 в окружении группы поселений с культурными слоями от палеолита до бронзового века.

Раздел региональной историографии исчерпывающе характеризует уровень опубликованности материалов по археологии Забайкалья и Усть-Мензы-2, в частности.

Разделы «Стратегия исследований» и «Геоморфология, геология и геохронология» следовало бы поменять местами, поскольку именно от геоархеологического контекста зависит и определяется стратегия работы с памятником. В этом последнем разделе содержатся сведения о геоморфологии, стратиграфии, хронологии, палеогеографических контекстах формирования культурных слоев и обитания людей, представляющие собой внушительный научный задел, действительно, играющий эталонную роль для большинства памятников каменного века Восточной Сибири. Не указано, однако, какими возрастными определениями, радиоуглеродными или калиброванными, календарными оперирует автор. В конце концов становится понятно, что речь везде идет о радиоуглеродном возрасте. Право автора на его использование, безусловно, сохраняется, однако, отсутствие калиброванных определений придает работе архаичный вид. Прежде всего, потому, что затрудняет синтез с палеогеографическими и прочими естественнонаучными современными разработками и корреляцию с работами зарубежных археологов. Несколько корбит использование соискателем фраз «поздняя бронза», «ранняя бронза» вместо «раннего бронзового века» и «позднего бронзового века» (с. 52).

Вторая глава посвящена палеолитическим слоям Усть-Мензы-2, коих всего 32. Глава начинается с раздела «Принципы и система описания». Важнейшей особенностью комплексов культурных остатков являются каменные выкладки, являющиеся «ключом» к реконструкции ситуаций обитания людей. Автор использует термин «структура» в именовании и выделении конструкций. Этот термин спорен с самого начала. Структурные отношения между элементами имеют функциональный характер общей связанности, означает ли это, что автор пришел к такому выводу «с первого взгляда», или в результате анализа данных? Образуют ли выделяемые структуры общую структуру в рамках культурного слоя?

Среди структур выделяются следующие типы: кольцевые и дугообразные выкладки с одним очагом или несколькими очагами во внутреннем пространстве, интерпретируемые как жилища, жилые площадки вне жилищ, каменные линейные выкладки, интерпретируемые в большинстве случаев как основания заплотов и жердевых конструкций, и бессистемные (может быть аморфные?) группировки камней – зимние запасы, склад камней (с. 58). Мы не подвергаем сомнению богатейший опыт изучения жилищ и прочтения планиграфических композиций автора, как и всего коллектива исследователей памятников студеновской культуры, к которой принадлежит Усть-Менза-2, однако, для внешнего читателя выводы автора о заплотах и складах камней нуждаются в дополнительной аргументации. Почему именно к ним пришел соискатель? В изучении сложных композиций насколько субъективно разделение общего слоя на отдельные «структуры»? Видит ли автор за ними отдельные и самостоятельные эпизоды обитания? Аргументирует ли единовременность нескольких структур? Какую информацию содержат подошвы камней выкладок?

Раздел «Культурные слои 3-27» содержит интереснейшую информацию об этом уникальном памятнике. Причем, если каменный инвентарь, хоть и в меньшем объеме, чем в этой диссертации, уже был описан в монографии П.В. Мороза «Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного

Забайкалья» (2014), то планиграфия, являющаяся важнейшим достоинством Усть-Мензы-2, здесь приведена в наиболее полном из существующих публикаций виде. Пожалуй, следовало бы рисунки инвентаря поместить в альбоме сразу за планами каждого культурного слоя. В ряде случаев есть замечания. В описании культурного слоя 3 есть упоминание о грунтовом погребении с остатками скелета в погребальной яме на уровне культурного слоя 6 (с. 64). Однако далее по тексту это погребение нигде не упоминается. Что с ним? Планы культурных слоев 3, 4, 6 демонстрируют сложные композиции положения камней на слое. Какова методика разделения их на «структуры»? Играло ли роль сходство последних с образцами кольцевых, линейных и бессистемных выкладок? Какую роль в их выделении играют очаги? На с. 62 «эти находки нейтральны и не позволяют уточнить направление хозяйственного использования чума». Что значит «находки нейтральны»?

Общая характеристика поселения и культуры обитателей дана в разделах «Жилища и поселения», «Каменный и костяной инвентарь», «Образ жизни: материальное и духовное», «Культурная корреляция». Одной из уникальных особенностей комплексов студеновской культуры позднего верхнего палеолита Юго-Западного Забайкалья являются многоочажные жилища. Остатки нескольких объектов этого типа выделены и на Усть-Мензе-2. Наиболее простой случай представляют собою одноочажные жилища. В некоторых случаях автор предполагает наличие тамбура, Впрочем, без детализации реконструкции. Можно ли в каких-то случаях выделять жилища с очагом в привходовой зоне, или очаги размещались в радиальном центре жилища? Можно ли говорить о внутренней планировке жилищ? Можно ли выделять условно стандартный набор орудий, микропластин и нуклеусов как наиболее встречаемый паттерн жилищ и эпизодов обитания?

Раздел «Каменный и костяной инвентарь» дает исчерпывающую характеристику морфологии и типологии основных категорий артефактов. Однако, что за микронуклеоидную технику мы встречаем на с. 112? Во всем

мировом научном сообществе, обсуждая этот феномен, его именуют как микропластинчатое производство или микропластинчатая техника. Основной вопрос к автору по этому разделу: по каким критериям в материале выделяются финальный палеолит (культурный слой 3), поздняя пора верхнего палеолита (культурные слои 4–24), поздняя стадия средней поры верхнего палеолита (культурные слои 25–27)? Например, микронуклеусы культурного слоя 26 (рис. 123: 10, 11) однотипны микронуклеусам из слоя 22 (рис. 122: 12), как и вышележащих культурных слоев вплоть до 17-го.

Ряд выводов мы находим в разделе «Образ жизни: материальное и духовное». «Люди жили не только в теплое время, но и в зимнее» (с. 121). Насколько учитывалась автором паводковая опасность заливания водой поселения? Можно ли в это время было жить на пойме (не на пойменной террасе, как упомянуто на с. 120)? Стоит отметить, что автором сделано предположение о заготовке камней обкладки заранее, поскольку зимой во вмороженном состоянии они труднодоступны. Насколько учитывался автором снежный покров как фактор, лимитирующий сбор каменного сырья и поведения людей на самой стоянке? На с. 121–122 мы встречаем повтор абзаца про сезонность обитания. На с. 122 «не исключается, что поселения очищались от отходов и мусора». Какие аргументы есть в пользу этого вывода? Откуда взяты помещенные на с. 122 расчеты по количеству шкур оленей, уходящих на покрышку жилища? На с. 123 мы находим у соискателя в тексте фразу про «гордость за коллективный и собственный труд, рукотворную красоту, дополняющую природную красоту». Какими методами можно выделить или реконструировать эту «гордость»?

В разделе «Культурная корреляция» при упоминании распространения микропластинчатой техники в Якутии, Северо-Западной Америке, Северном Китае, Монголии, Японии на с. 127 даются всего две ссылки на работы Кузнецова А. тридцатилетней давности (Кузнецов А., 1993, 1997), что неудовлетворительно мало. Следовало бы дать свежий список работ по этим регионам. В списке литературы указанные публикации А. Кузнецова

отсутствуют. И среди упомянутых регионов отсутствуют Енисейский регион и Прибайкалье. Дан однозначный вывод об общем безоговорочном сходстве культуры каменного производства Усть-Мензы-2 студеновской культуре. Однако вопросы кроются в деталях. Как соотносятся микронуклеусы нижних (25–17) культурных горизонтов Усть-Мензы-2 с микронуклеусами финальнопалеолитических горизонтов Усть-Мензы-2 и Усть-Мензы-1? И как они соотносятся с наиболее ранними микронуклеусами Студеного-1, -2? Можно ли выделять навыки и приемы бифасиальной обработки, например, в скребле из слоя 4 (рис. 97: 10), особенно на фоне блестящего бифаса из Усть-Мензы-1, слоя 14 (Мороз, 2014, рис. 8.1)?

Автором сделан вывод о сходстве студеновской культуры с афоновской культурой Енисея. С этим можно согласиться. Однако, следовало бы обсудить сходства и отличия студеновской культуры в контексте культур прилегающих регионов (Монголия, Толбор-15; Бурятия, Усть-Кяхта-17; селемджинская культура Приамурья; поздний верхний палеолит Прибайкалья; Витим, Мамакан VI, Коврижка III-IV, Большой Якорь I, Усть-Каренга I-XVI).

Данные вопросы носят полемический характер. Они не умоляют главного достоинства диссертации – компетентного представления материалов уникального памятника и компетентного же раскрытия их значения, обозначенного в защищаемых положениях.

Третья глава посвящена культурным слоям 1 и 2, принадлежащим позднему и раннему бронзовым векам, соответственно. Они входят в проблематику культуры эпохи палеометалла, описываемую в контекстах металлургии, каменного производства, керамических традиций, помещаемых автором в общую панораму памятников бронзового века Юго-Западного Забайкалья. Сделан общий очерк образа жизнедеятельности населения этой эпохи, даны общие корреляционные связи. Оба слоя отнесены к хэнтэйской культуре Юго-Западного Забайкалья (с. 184).

В Заключении даны основные выводы, к которым пришел С.В. Маслодудо в диссертации., а также в 13 предшествующих ей статьях, в т.ч в 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации.

Работа С.В. Маслодудо написана в строгом научном стиле, выполнена на высоком научном уровне и соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным диссертациям. Степень обоснованности выводов, сделанных автором, и их достоверность не вызывает сомнений. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Считаем, что диссертационная работа С. В. Маслодудо является завершенной, самостоятельной и оригинальной научно-квалификационной работой, полностью соответствующей требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (Постановление Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. в действующей редакции), предъявляемым к кандидатским диссертациям и ее автору может быть присвоена учена степень кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – Археология (исторические науки).

Отзыв подготовил:

Технический директор лаборатории археологии,
палеоэкологии и систем жизнедеятельности
народов Северной Азии ФГБОУ ВО
«Иркутский национальный исследовательский
технический университет»,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии ИРНИТУ, доцент

Алексей Владимирович Тетенькин

Обсуждение отзыва прошло на совместном заседании Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии и кафедры истории и философии ИРНИТУ 03 сентября 2026 г., протокол № 1

Заведующий кафедрой истории
и философии ИРНИТУ, доктор
исторических наук, профессор

Павел Александрович Новиков

Научный руководитель
Лаборатории археологии,
палеоэкологии и систем
жизнедеятельности народов
Северной Азии ИРНИТУ, доктор
исторических наук, профессор

Артур Викторович Харинский

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (ИРНИТУ), тел/факс 8 (3952) 405-100, 405-009, e-mail: info@istu.edu
<http://www.istu.edu>

